

# Бухтан Бухтанович

163[1]

В некотором царстве, в некотором государстве живал-бывал некто Бухтан Бухтанович; у Бухтана Бухтановича была выстроена среди поля печь на столбах. Он лежит на печи по полулокоть в тараканьем молоке. Приходила к нему лисица и говорила:

— Бухтан Бухтанович, хошь ли, я тебя женю у царя на дочери?

— Что ты, лиска!

— Есть ли у тебя сколько-нибудь денег?

— Да есть: всего один пятак.

— Подай и тот сюда!

Лисица пошла, разменяла пятак на мелкие деньги — на копейки, денежки и полушки; пошла к царю и говорит:

— Царь, вольный человек! Дай четверика, у Бухтана Бухтановича деньги смерить.

Он говорит:

— Возьми.

Она принесла домой; деньгу, копейку запихала за обруч и отнесла к царю и говорит:

— Царь, вольный человек! Четверика мало; дай полмеры, деньги у Бухтана Бухтановича смерить.

— Возьми.

Она взяла, принесла домой; деньгу, копейку запихала за обруч и отнесла к царю:

— Царь, вольный человек! Полмеры мало, дай меру.

— Возьми меру.

Она взяла, принесла домой и остальное от пятака запихала за обручье и отнесла к царю. Царь говорит:

— Смерила ли, лиска?

Лиска сказала:

— Всё вцеле[2]. Ну, царь, вольный человек! Я пришла к тебе за добрым делом: отдай дочь свою за Бухтана Бухтановича.

— Ну, ладно, покажи же ты мне жениха.

Она побегла домой.

— Бухтан Бухтанович! Есть ли у тебя какое-нибудь платье? Надевай.

Бухтан Бухтанович оболосся[3] и пошёл с лисою к царю. Идут по ряду, и привелось им идти по мостику — грязный такой! Лиска пихнула его, и Бухтан Бухтанович ввалился в грязь. Она прибегла к нему:

— Что ты, что ты, Бухтан Бухтанович?

А сама грязью-то всего его замарала.

— Постой же, Бухтан Бухтанович! Я к царю сбегая.

Лиска прибегла к царю и говорит:

— Царь, вольный человек! Мы шли с Бухтаном Бухтановичем по мостику — мостик скверный такой! — мы как-то не постереглись, ввалились; Бухтан Бухтанович весь замарался; идти-то нехорошо в город; нет ли у тебя платья ежедневного?

— На, возьми.

Лиска побегла. Прибегла.

— Бухтан Бухтанович! На, переоболокись[4] да пойдём.

Пришли к царю. У царя было уже налажено[5] на стол. Бухтан Бухтанович никуда не глядит, как на себя, — отроду не видал он такого платья! Царь и моргнул лиске:

— Лиска, что это Бухтан Бухтанович-то никуда не глядит, как на себя?

— Царь, вольный человек! Ему стыдно кажется, что на нем эко платье; Бухтан Бухтанович экого платья-то отроду не нашивал дрянного. Царь, вольный человек! Дай ему платье то, которое носишь ты в пасху.

А сама и шепнула Бухтану Бухтановичу:

— Не гляди на себя!

Бухтан Бухтанович опять глядит никуды, что на стул: стул был вызолоченный. Царь шепнул лиске:

— Лиска, что это Бухтан Бухтанович никуды не глядит, что на стул?

— Царь, вольный человек! У их экого стулья-то по баням много.

Царь хлоп стул за дверь. Лиска шепнула Бухтану Бухтановичу:

— Не гляди в одно место; гляди туды да инуды[6].

Ну, тут стали толковать о добром деле, о сватанье.

Ну, свадьбу сыграли; долго ли у царя? Ни пива варить, ни вина курить, все готово. Бухтану Бухтановичу три корабля нагрузили, и поехали домой на кораблях. Едут домой: Бухтан Бухтанович едет на кораблях с женкою, а лиска по берегу бежит. Бухтан Бухтанович увидел свою печь и скричал:

— Лиска, лиска! Эводе моя-то печь!

— Молчи, Бухтан Бухтанович; стыдно!

Бухтан Бухтанович едет, а лиска наперёд бежит по берегу; прибегла наперёд, вызнялась на угор[7], стоит на угоре дом каменный пребольший, и царство явилось преогромное. Она в избу — нету никого в избе, забегла в палату — в большом углу лежит-протянулся Змей Змеевич, сидит на печном столбе Ворон Воронович, сидит на престоле Кокот Кокотович[8]. Лиска говорит:

— Что вы тут сидите! Царь идёт с огнем, царица с маланьёй[9], сожгут и спалят вас.

— Лиска, куда мы?

— Кокот Кокотович, поди ты в бочку!

Лиска заперла в бочку Кокота Кокотовича.

— Ворон Воронович, поди ты в ступу, давай[10]! Ворона Вороновича в ступу заперла; Змея Змеевича в солому завертела и вынесла на улку. Корабли пришли. Лиска приказала в воду свезти всех их; казаки[11] сейчас свезли в воду.

Бухтан Бухтанович в тот дом всё житейское своё перевёз, там жил-поживал, добра наживал, царил-властвовал, да там и живот скончал.

